

Это можно объяснить наследием советского воспитания, где подчеркивалась ценность грамотности и образования. В отличие от религиозных, которые свои интерпретации моральных терминов выводят из божественного веления, атеисты связывают моральные понятия с человеческими потребностями и интересами, с законами природы, т. е. с реальным социальным значением действий индивидов для их совместной жизни.

Таким образом, проведенное исследование показало, что моральные суждения религиозных людей имеют содержательные и формальные отличия от моральных суждений нерелигиозных. Однако, несмотря на это в суждениях о морально должном и правильном у всех респондентов обнаруживаются общие положения, позволяющие предположить, что их формирование не обусловлено религиозным опытом и верой людей, а источником их является воспитание и социализация.

КОГНИТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ «ЕСТЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИИ» В КОНЦЕПЦИИ ДЖАСТИНА БАРРЕТТА

*Т. В. Малевич
(Москва, Россия)*

Когнитивное религиоведение — это относительно молодая междисциплинарная область исследований, направленных на объяснение религиозных феноменов с точки зрения современной когнитивной и эволюционной психологии и антропологии¹. Одной из центральных тем данных исследований является проблема, давно получившая признание в сравнительном религиоведении и кросс-культурной психологии, а именно вопрос о причинах регулярного воспроизведения и повторения некоторых паттернов религиозных представлений и поведения во всех человеческих культурах. То есть вопрос о том, «что делает религию настолько “естественной”» и какую роль в этом процессе играет наша когнитивная архитектура².

¹ См. : Sørensen, J. Religion in mind: A review article of the cognitive science of religion // Numen. — Vol. 52 (2005). — P. 465–466; Barrett, J. L. The cognitive science of religion / J. L. Barrett, E. R. Burdett // The Psychologist. — Vol. 24/4 (2011). — P. 252.

² См. : Boyer, P. Religious thought and behaviour as by-products of brain function // Trends in Cognitive Sciences. — Vol. 7/3 (2003). — P. 119; Barrett, J. L. Cognitive constraints on Hindu concepts of the divine // Journal for the Scientific Study of Religion. — Vol. 37/4 (1998). — P. 608.

В основе объясняющих данный феномен концепций, разрабатываемых религиоведами-когнитивистами, лежат как минимум два открытия в сфере когнитивной науки и социальной психологии. Прежде всего, это двухфакторная теория эмоций С. Шахтера и Дж. Сингера, утверждающая, что когнитивные факторы являются «главными детерминантами выбора эмоциональных «ярлыков»», а каузальная атрибуция выступает в качестве одного из ключевых механизмов интерпретации событий³. К исследованию религиозных переживаний и репрезентаций данная теория была применена в 1970–1980-х гг. в работах американских психологов Б. Спилки, Ф. Шэйвера, Л. Киркпатрика, а также философа религии У. Праудфута, рассматривающих религию как «смысловую систему», «систему взглядов для интерпретации всей сферы жизненных событий»⁴.

Опираясь на вышеуказанную теорию, религиоведы-когнитивисты утверждают, что, поскольку любой человеческий опыт строится на основании используемой для его объяснения каузальной атрибуции, нельзя говорить о «религии» как таковой — можно говорить только о событиях, которые считаются «религиозными» в силу атрибуции их причин религиозным агентам (богам, духам и т. п.) посредством свойственного нашему мышлению специфического когнитивного механизма — «гиперсенситивной системы обнаружения действующей силы» (*hypersensitive agency detection device, HADD*)⁵. Но само представление о данном механизме связано с другим, пожалуй, еще более важным для когнитивного религиоведения открытием — идеей о домено-специфической организации познания, разработанной лингвистом Н. Хомским и философом-когнитивистом Дж. Фодором и предполагающей, что у людей есть ряд биологически обусловленных, узко специализированных и локализованных в специфических областях мозга когнитивных систем, своего рода «умственных органов», аналогичных сердцу или зрительной системе, или системе двигательной координации и планирования»⁶. Как предположил французский исследователь Паскаль Буайе, представления

³ Шахтер, С. Когнитивные, социальные и физиологические детерминанты эмоционального состояния / С. Шахтер, Дж. Э. Сингер // Психология мотиваций и эмоций / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. — М. : АСТ : Астрель, 2009. — С. 444–446, 458.

⁴ См. : Spilka, B. A general attribution theory for the psychology of religion / B. Spilka, P. Shaver, L. Kirkpatrick // Journal for the Scientific Study of Religion. — Vol. 24/1 (1985). — P. 2; Proudfoot, W. Religious experience. — Berkley : University of California Press, 1985. — P. 75–118.

⁵ Barrett, J. L. Cognitive science, religion, and theology : From human minds to divine minds. — West Conshohocken, PA : Templeton Press, 2011. — P. 100–104, 114–116.

⁶ Chomsky, N. Rules and Representations. — Oxford: Basil Blackwell, 1980. — P. 39.

о религиозных агентах непосредственно связаны с тремя домено-специфическими областями — «обыденной физикой», «обыденной биологией» и «обыденной психологией», формирующими наши интуитивные ожидания по отношению к различным понятиям, т. е. их «каузальные схемы» или «естественные онтологии». Религиозные представления радикальным образом отличаются от сферы нашего обыденного опыта, поскольку обладают своего рода «несхематическими» свойствами, нарушающими их «естественные онтологии». Более того, определенное сочетание интуитивных и контринтуитивных представлений образует так называемый «когнитивный оптимум», баланс между соответствующими интуитивным ожиданиям «схематическими» чертами и их нарушениями, при котором эти понятия сохраняют свою неестественность, но тем не менее легко запоминаются⁷.

Именно механизм «обнаружения действующей силы», как утверждает американский психолог Джастин Барретт, играет в данном процессе ключевую роль: этот когнитивный механизм представляет собой сформировавшуюся в процессе эволюции предрасположенность когнитивной системы человека к интерпретации событий посредством атрибуции их причин антропоморфным агентам даже в том случае, если таковые отсутствуют⁸, т. е., если выражаться словами Стюарта Гатри, способность видеть «лица в облаках»⁹. Аналогично Гатри, связывающему религиозные представления с систематическим объяснением явлений окружающего мира посредством процесса антропоморфизации,¹⁰ Барретт считает, что именно переживание «HADD опыта» в конечном счете играет ключевую роль в воспроизведении религиозных верований¹¹.

Однако, с точки зрения Баррета, речь здесь должна идти не столько об антропоморфизме как таковом, сколько о своего рода «подготовленности» (*preparedness*)¹². Проведенные Барреттом и его коллегами эмпирические

⁷ Boyer, P. The naturalness of religious ideas: A cognitive theory of religion. — Berkeley : University of California Press, 1994. — P. 68–88, 91–124; Idem. Religious thought and behavior as by-products of brain function. — P. 119–124. Также см. : Barrett, J. L. Cognitive constraints on Hindu concepts of the divine. — P. 610–611.

⁸ Idem. Cognitive science, religion, and theology: From human minds to divine minds. — P. 100–101.

⁹ Guthrie, S. E. Faces in the clouds: A new theory of religion. — New York : Oxford University Press, 1993. — P. 4, 177–204.

¹⁰ См. : Ibid. — P. 4, 177–204.

¹¹ Barrett, J. L. Cognitive science, religion, and theology: From human minds to divine minds. — P. 102.

¹² См. : Barrett, J. L. Anthropomorphism or preparedness? Exploring children's God concepts / J. L. Barrett, R. A. Richert // Review of Religious Research. — Vol. 44/3 (2003). — P. 300–312.

исследования¹³ позволили ему сформулировать теорию существования двух уровней концептуализации религиозных агентов: «базового», используемого при обработке информации в реальном времени, и «теологического», используемого при размышлении над качествами религиозных агентов в отсутствии дополнительной когнитивной нагрузки¹⁴. Такая двухуровневая организация религиозных понятий — так называемая «теологическая правильность» (*theological correctness*) — не является их специфическим свойством: образующие религиозные понятия репрезентации вписываются в континуум «абстрактности» или «когнитивной сложности». Этот континуум простирается от «базового» уровня, т. е. от нашего «наивного интуитивного знания» о существующих в мире вещах и воздействующих на них причинно-следственных связях», до сложных теологических постулатов или теоретических формул той или иной культурной традиции. Существование данного континуума обусловлено когнитивной необходимостью упрощать некоторые понятия и причинные связи в режиме реального мышления, направленного на быстрое решение повседневных задач, т. е. наличием у человека набора интуитивных ожиданий. Так, например, в обыденной жизни мы зачастую говорим, что Солнце вращается вокруг Земли, разговариваем и ругаемся с компьютерами и т. п. Но отсюда, как полагает Барретт, вовсе не следует, что мы имеем примитивные знания о движении небесных тел или в действительности верим в одушевленность техники: здесь речь идет именно о параллельном сосуществовании когнитивных репрезентаций. Аналогичным образом, если в процессе молитвы человек репрезентирует Бога как седого, длинноволосого и бородатого старика, это не означает, что он верит в реальность подобного представления¹⁵.

Но именно такой «базовый» уровень, с точки зрения Барретта, свидетельствует о том, какое воздействие оказывает и какие ограничения накладывает на концептуализацию божественного наша когнитивная архитектура. Этот уровень аналогичен естественному языку и представляет собой «естественную религию», т. е. набор «нерефлексивных» представлений, выражающих различные естественные тенденции, содержательно наполняющие наши представления о богах и соответствующие им концепты и практики. Компонентами «естественной религии», согласно Барретту, являются следующие «нерефлексивные» представления.

¹³ См., например : Barrett, J. L. Do children experience God as adults do? // Religion in Mind: Cognitive perspectives on religious belief, ritual, and experience / Ed. by Andresen J. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — P. 173–190; Idem. Cognitive constraints on Hindu concepts of the divine. — P. 608–619; Barrett, J. L. Conceptualizing a nonnatural entity: Anthropomorphism in God concepts / J. L. Barrett, F. Keil // Cognitive Psychology. — Vol 31 (1996). — P. 219–247.

¹⁴ Barrett, J. L. Cognitive constraints on Hindu concepts of the divine. — P. 616.

¹⁵ Idem. Theological correctness: Cognitive constraint and the study of religion // Method & Theory in the Study of Religion. — Vol. 11 (1999). — P. 326–327.

1. Элементы природного мира целенаправленно организованы неким агентом или агентами, обладающими сверхчеловеческими силами.

2. Причинной происходящих в мире событий являются невидимые агенты, отличные от людей или животных.

3. У людей есть внутренние компоненты (сознание, душа / дух), не являющиеся телесными.

4. Моральные нормы неизменны.

5. Аморальное и моральное поведение приводит к неудаче и удаче соответственно.

6. Ритуальное поведение может защитить от невидимых угроз.

7. Определенные наделенные действующей силой компоненты человека могут после смерти существовать без его земного тела.

8. «У богов... есть мысли, желания, намерения и свобода воли действовать».

9. «Боги могут быть невидимыми или бессмертными, но они не существуют вне времени и пространства».

10. Боги взаимодействуют с природным миром и людьми.

11. Обычно боги обладают неким сверхзнанием.

12. Боги могут вознаграждать или наказывать за совершение определенных действий.

13. Поскольку боги обладают сверхчеловеческой силой, их деятельность носит перманентный характер, а значит, религиозные ритуалы не нуждаются в постоянном воспроизведении¹⁶.

Безусловно, сам разговор о «естественной религии», свойственной всем человеческим культурам, не является чем-то новым: здесь можно вспомнить все те же пять принципов деизма Эдуарда Герберта, барона Черберийского¹⁷. Аналогичные попытки, правда, более близкие спекулятивным утверждениям Герберта Черберийского, чем результатам эмпирической работы Барретта, принимаются и в нейротеологии. В частности, американские ученые Э. Ньюберг и Ю. д'Аквили стремились посредством анализа нейropsychологических коррелятов религиозных переживаний выявить так называемые «метатеологию» (всеобщие принципы, регулирующие и формирующие строение каждой религиозной и теологической системы, независимо от ее теоретического содержания) и «мегатеологию» (наиболее общее теологическое содержание этих систем)¹⁸. Тем не менее концепция Барретта содержит в себе значительный эвристический

¹⁶ Idem. Cognitive Science, Religion, and Theology. — P. 130–133.

¹⁷ См.: Милютин, Ю. Е. Основоположения деизма Герберта Черберийского // *Studia culturae*. — Вып. 2. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. — С. 35–43.

¹⁸ d'Aquili, E. G. The mystical mind: Probing the biology of religious experience / E. G. d'Aquili, A. B. Newberg. — Minneapolis: Fortress Press, 1999. — P. 177.

потенциал для сравнительного религиоведения: различение двух разновидностей религиозных репрезентаций позволяет, как минимум, проводить корректный компаративный анализ, избегающий как крайностей культурного релятивизма, так и грубых этнографических ошибок культурного универсализма.

ОСОБЕННОСТИ ЭТАПА СБОРА ДАННЫХ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНОВ РЕЛИГИИ

*И. С. Буланова
(Волгоград, Россия)*

Изучение различных феноменов в научной психологии подразумевает не только их осмысление в рамках тех или иных теорий, но и их эмпирическое исследование. Одним из сложных и неоднозначных с этой точки зрения феноменов является религиозность и религиозный опыт. В его эмпирическом изучении существует целый ряд трудностей, которые проявляются на всех уровнях реализации психологического исследования.

Рассмотрим с этой точки зрения этап сбора данных. Одной из главных характеристик взаимодействия верующего и исследователя на этапе сбора данных является сохранение такой позиции, которая позволит, с одной стороны, получить необходимую информацию о личных, важных аспектах веры, а с другой — сохранить научную объективность и беспристрастность. Сложность заключается в том, что ситуация глубокого и содержательного взаимодействия с верующими требует погружения в соответствующий этому религиозный контекст. Верующие как эксперты в своей вере настаивают на своем видении всех ее особенностей, что проявляется в корректировке вопросов и их переводе в религиозный дискурс. Однако, с точки зрения традиционной науки, такая ситуация видится совершенно недопустимой. В рамках традиционной психологии исследователь является беспристрастным экспериментатором, а верующий, в свою очередь, — объектом исследования, который априори не может диктовать экспериментатору, как его лучше исследовать.

Для того чтобы детально рассмотреть особенности этапа сбора данных в психологическом исследовании явлений религии, опишем это взаимодействие посредством следующей модели.

Данная модель представляет собой различные ситуации взаимодействия исследователя и верующего, которые определяются двумя аспектами. Первый аспект (столбцы таблицы) подразумевает статус респондента — является ли он верующим мирянином или он служит в Церкви. Второй аспект (строки таблицы) подразумевает погруженность исследователя в религиозную систему.